

The background of the entire image is a photograph of a forest. The scene is captured during the 'golden hour' of sunrise or sunset, with a soft, warm orange light permeating the air. A thick layer of mist or fog hangs between the trees, creating a sense of depth and mystery. The trees are mostly bare, with some showing hints of autumn foliage in shades of brown and orange. The overall mood is serene and contemplative.

Натиг Расулзаде

ДУЭЛЬ

Натиг Расулзаде

Дуэль

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Дуэль / Н. Расулзаде — «PEN-клуб»,

Сюрреалистический рассказ с элементами абсурда о герое, встретившем свою давнюю знакомую, с которой он когда-то был близок и о том, как трагично и непостижимо окончилась эта встреча с – на глазах жутко меняющейся – героиней повествования.

Натиг Расулзаде

Дуэль

Ранним утром, когда было еще совсем темно и небо – ночное, когда Гумбатов пребывал еще в беспокойном сне своем, чудовищная эрекция приподняла на нем одеяло на двадцать один сантиметр над уровнем гумбатовского, плоского и волосатого живота. Он спросонья покряхтел недовольно, поерзал в постели, повернулся на бок и, поуспокоившись, сел в постели, с одного раза попав ногами в разношенные шлепанцы, поднялся и отправился в туалет, позевывая с собачьим воем и почесывая зад...

С серого неба шел мокрый снег и было холодно от резкого норда, шупавшего тощую гумбатовскую шею под шерстяным шарфом: а нельзя ли пролезть дальше? Хмурый, как это декабрьское утро, Гумбатов шел по улице, вобрав голову в плечи, словно черепаха, прячущаяся в панцирь и не желающая спрятаться до конца, чтобы все-таки видеть этот надоевший ей, неприятный мир.

На голове у Гумбатова – меховая шапка, на ногах – новые, утепленные сапоги, одет в дубленку, правда, старую, лет десять он ее носит, и она, дубленка верно служит хозяину до сих пор, защищая гумбатовское тело от простуды. Но несмотря на все эти маленькие положительные бытовые моменты, Гумбатов все равно был недоволен, пребывал в подавленном настроении. Он вышагивал на свою низкооплачиваемую работу за неудобопроизносимой зарплатой, и даже помня, что сегодня день зарплаты, которого ждешь оставшиеся двадцать девять дней в месяце, он не мог взбодриться, воспрять духом. В конторе, где служил Гумбатов зарплату выдавали по старинке – наличными из кассы, что выходила зарешеченным окошком в коридор, тут же находилась и бухгалтерия, придатком которой и была касса, бухгалтерия, в которой и прозябал, то есть, работал на должности младшего бухгалтера Гумбатов, что, вроде бы, редко случается с представителями мужского пола, а Гумбатов, как можно было догадаться, был именно представителем мужского пола.

Сыпал снег, Гумбатов шел, исподлобья посматривая на прохожих, ему отвечали такими же неприветливыми взглядами, лица были преимущественно хмурыми, как и гумбатовское лицо. Он уже решил было смотреть исключительно под ноги, на свою новую обувь, кстати, чтобы и в лужи не наступать, а то кто знает эти новые обувки, как раз ноги промоочишь, как вдруг, уже опуская взгляд, заметил чью-то радостную, ясную, лучезарную, весеннюю улыбку, абсолютно не вписывающуюся в этот промозглый день – ровные белые зубы, сияющие глаза. Гумбатов даже приостановился от неожиданности, а когда понял, что улыбка предназначалась именно ему, остановился окончательно и стал как вкопанный как раз посреди небольшой лужицы, лихорадочно соображая – надо ли отвечать на улыбку, или стоит пока воздержаться.

– Не узнал? – голос обладательницы прекрасной улыбки оказался еще прекраснее – волнующий, напористый, чуть с хрипотцой.

Гумбатов стал щуриться, морщиться, будто плохо видел, стараясь выиграть время.

– Окосеешь, – предрекла она результат его жалких потуг, уже откровенно привлекающее посмеиваясь.

Он перестал гримасничать и должен был чистосердечно признаться:

– Извините, не узнаю...

– А я тебе напомню, а я тебе напомню, – с шутливой угрозой произнесла она и пошла на него, подошла вплотную, прижалась – даже через дубленку он почувствовал исходящий от нее жар, энергию, темперамент, черт знает, что только от нее не исходило для Гумбатова уже длительное время не прикасавшегося к женщине.

– А-а!.. – расплылся он в искренней улыбке, признав, наконец, и сгоряча не успев испугаться ее напористости и угрожающего тона.

– А-а! – подхватила она, передразнивая, – Б-э-э! Слава Богу! Сколько лет, сколько зим! Как поживаешь?

– Нор... Нормально, – сказал он, все еще немного растерянный.

– Нор-нормально? – спросила она. – Здорово. А конкретнее? Все-таки столетия прошли с нашей последней встречи.

– Конкретнее? – переспросил Гумбатов, уже овладев ситуацией и подхватывая предложенный ею шутливый тон, – Что ж, можно и конкретнее. Конфиденциально могу тебе сообщить, что сегодня между пятью и пятью двадцатью утра произошла мощнейшая эрекция, но ввиду отсутствия партнера противоположного пола, продержавшись минут пять пошла на убыль...

Она захохотала, да так, что проходивший неподалеку старик прохожий испуганно посмотрел на них.

– Узнаю прежнего Гумбатова, – произнесла она сквозь смех. – А как вообще дела? Что ты делаешь в промежутке между мощнейшими эрекциями?

– Ищу женщину. Работаю в бухгалтерии, – честно и грустно признался он.

– Грубо, грубо, – констатировала она. – Проза жизни.

– Да и жизни особой, в общем-то, нет, – сказал он. – Так... Хожу себе...

– Хочешь, зайдем в кафе, погреемся, – предложила она, – я угощаю.

– Да что ты?! Правда! Вот это праздник!

– Хватит дурачиться, – сказала она. – В кафе продолжишь. Я замерзла.

– Вообще-то я на работу собирался, – сказал он. – Как законопослушный гражданин.

– Нельзя опоздать?

– Можно.

– Нельзя вовсе не пойти?

– Можно.

– Ну вот и хорошо, – она решительным жестом взяла его под руку и направилась вместе с ним в сторону кафе, вывеска которого с нелепым названием «Сфинкс «отсюда просматривалась. Они вошли, толкнув неожиданно тяжелую дверь и его обдало теплом и уютом после слякотной погоды на улице. Как и следовало ожидать, ничего египетского в этом кафе не было – ни снаружи, ни изнутри. Душа Гумбатова от тепла и приятных запахов тихо запела и заплясала в предвкушении чего-то хорошего, что подсказывало ему его ненадежное предчувствие. Они уселись за маленький столик в углу возле широкого окна-витрины, и она сказала:

– Правда, здесь хорошо?

Он покивал.

– Да. Уютно.

Небольшой зал кафе был почти пуст, если не считать сидевшего в другом конце за столиком мужчину в шляпе, читавшего газету, которая в руках у него полностью закрывала лицо и часть шляпы.

– Смотри, – тихо сказал Гумбатов, – Он сидит в шляпе.

– И что?

– Так здесь же очень тепло.

Сам Гумбатов снял и повесил свою дубленку и шапку на вешалку возле их столика, предварительно сняв пальто со своей спутницы. Мужчина на противоположном конце зала словно услышав его, тоже снял свою шляпу и небрежным жестом завсегда кинул ее на стол перед собой, при этом развернутая в его руках газета медленно отвалилась одним концом, но тут же вновь проворно была подхвачена рукой снявшей шляпу и восстановлена до своего прежнего состояния, так что Гумбатов едва успел заметить на краткий миг открывшееся лицо мужчины. Он вздрогнул: ему показалось, что у мужчины начисто отсутствует половина лица. Гумбатов хотел было поделиться увиденным со своей подружкой, но тут же раздумал. В кафе больше

никого не было, даже бармена за стойкой. Мерно вздыхали большие напольные часы, абсолютно не вписывавшиеся в интерьер заведения. Гумбатов и девушка смотрели на улицу, на мокрый снег, сыпавший с темного, хмурого неба; отсюда, из теплого помещения кафе было приятно смотреть на мокрую улицу, на которой ветер гнул ветви деревьев и швырял в прохожих водянистыми снежинками, тут же таявшими на их пальто и шапках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.